

Полтерович В.М.
Москва, ЦЭМИ РАН, МШЭ МГУ
polterov@mail.ru

КОНКУРЕНЦИЯ, СОТРУДНИЧЕСТВО И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ

Западные политические системы находятся в глубоком кризисе. С этим тезисом согласны многие специалисты, однако вопрос о природе кризиса остается дискуссионным. В работе (Полтерович, 2021) я попытался показать, что корень проблемы состоит в исчерпании возможностей и, более того, в деградации институтов политической и экономической конкуренции. Придя на смену сословным политическим системам и цеховой экономике позднего средневековья, конкуренция между политическими партиями и между производителями позволила вовлечь в процесс управления более широкий слой граждан и создать экономику технического прогресса. Однако в процессе развития технологий и массовой культуры все резче проявляют себя органические недостатки конкурентных механизмов – высокие транзакционные издержки и встроенный механизм отрицательного отбора политических лидеров, вследствие которого победа в политическом соревновании оказывается слабо связанной с управленческими способностями.

Благодаря возможности наращивать экономический потенциал за счет создания новых технологий и методов хозяйствования резко снизилась роль конкуренции радикального типа между государствами – войны. Наблюдается процесс постепенного «замещения» конкуренции и власти механизмами сотрудничества в экономической и внутривнутриполитической сферах (Полтерович, 2015, 2018). Однако эта трансформация происходит весьма медленно, что и порождает кризисные явления.

В докладе показано, что успешнее других с трудностями трансформации справляются семь европейских стран: Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды, которые в меньшей степени затронуты кризисом, предпринимают решительные меры по его преодолению и в определенном смысле являются примером для других стран Запада. На противоположном полюсе в этом отношении находятся США. Страна, еще недавно демонстрировавшая, казалось бы, незыблемые преимущества институтов конкуренции, испытывает кризис в наиболее явной и тяжелой форме, постепенно теряя экономическое и институциональное лидерство.

Идея рассмотрения Семерки европейских лидеров возникла под влиянием исследований, посвященных «скандинавской исключительности» и «нордической исключительности» («нордической

модели»). В первом случае речь идет о трех скандинавских странах, Дании, Норвегии, Швеции, а во втором – о пяти нордических, в состав которых наряду со скандинавскими странами включаются также Финляндия и Исландия (см., в частности, (Pratt, 2008), (Iqbal, Todi, 2015), (Martela et al., 2020), где имеются также ссылки на более ранние работы).

Статья (Martela et al., 2020) содержит обзор соответствующих исследований. Отвечая на вопрос о том, почему нордические страны занимают первые места по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья), авторы указывают наряду с уровнем душевого ВВП еще пять факторов: наличие социальной поддержки со стороны родных и друзей, продолжительность здоровой жизни, показатели свободы жизненного выбора, благотворительности и восприятия коррупции. Однако при сопоставлении 15 наиболее богатых стран по этим показателям обнаруживается, что тезис о нордической исключительности не вполне точен: Нидерланды и Швейцария очень близки к нордическим странам. Это замечание послужило для нас отправной точкой в рассмотрении Семерки европейских лидеров.

Страны Семерки действительно оказываются лидерами по регулярно исчисляемому индексу счастья (Happiness index) - интегральной характеристики социального, экономического и политического состояния общества, указывающей насколько удовлетворены жизнью граждане страны. Однако по другим показателям качества жизни и институтов некоторые из них могут уступать другим странам. В связи с этим в докладе проведено сопоставление стран по простейшему агрегированному индексу (сумме рангов по важнейшим индикаторам). Показано, что Семерка значительно опережает «ближайших преследователей», которыми являются Новая Зеландия, Канада, Люксембург, Германия, но отнюдь не США.

Тезис о том, что в странах Семерки механизмы сотрудничества играют особенно важную роль, подтверждается, если обратиться к двум классификациям западных систем, предложенных сравнительно недавно и породивших многочисленные исследования. Одна из них базируется на различиях экономических, а другая – политических институтов¹.

В работе (Hall, Soskice, 2001) предложено различать два типа капиталистических систем в зависимости от характера взаимодействий между агентами: либеральные рыночные экономики (LME) и скоординированные рыночные экономики (CME). В экономиках первого типа фирмы взаимодействуют главным образом на основе краткосрочных контрактов, ориентируясь на рыночные цены и другие рыночные сигналы. В CME фирмы координируют свою деятельность друг с другом, с

¹ К сожалению, в обеих цитируемых далее работах Исландия не рассматривалась, так что речь идет о шести странах Семерки.

ассоциациями бизнеса, с профсоюзами и банками на основе стратегического взаимодействия, включающего обмен информацией, мониторинг и переговоры. США является типичным представителем ЛМЕ, а все шесть рассматривавшихся стран Семерки - Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Швейцария и Нидерланды принадлежат к СМЕ (Hall, Gingerich, 2009, p. 452-453). В этих странах механизмы сотрудничества играют не меньшую роль, нежели экономическая конкуренция.

Аналогичный результат мы получаем для политических механизмов, следуя классификации Лейпхарта (Lijphart, 2012), который различает мажоритарные и консенсусные демократии. Чтобы охарактеризовать различия между ними, Лейпхарт формирует два индекса. Первый (EP) отражает отношения между исполнительной властью и политическими партиями (executives-parties dimension), а второй (FU) – отношения между центральной властью и региональными администрациями (federal-unitary dimension). Каждый из индексов является агрегатом пяти показателей. Индекс EP предназначен для учета того, что в консенсусных демократиях обычно действует тот или иной вариант пропорционального представительства, парламент и правительство включают представителей многих партий, имеет место баланс исполнительной и законодательной власти, действует корпоративистская система отношений между группами интересов, нацеленная на отыскание компромисса и согласование действий. Мажоритарная система голосования обычно характеризуется доминированием двух партий в парламенте и формированием однопартийных правительств, превосходством исполнительной власти над законодательной, всеобщей конкуренцией групп интересов. Лейпхарт показывает, что приближение к консенсусной демократии за счет индекса EP положительно влияет на эффективность правительства, уровни коррупции, законности, преступности, уменьшает риск конфликтов. Изменение второго индекса не дает однозначных результатов. По значениям первого индекса все шесть рассматривавшихся представителей Семерки европейских лидеров относятся к консенсусным демократиям, а США к мажоритарным демократиям.

Лейпхарт писал: «...мажоритарная модель демократии является дискриминирующей, конкурентной и конфронтационной, в то время как для консенсусной модели характерны отсутствие дискриминации, переговоры и поиск компромисса...» (Lijphart, 2012, p. 2).

В последние 15 лет Европейская комиссия, высший орган исполнительной власти Европейского союза, обращает особое внимание на совершенствование государственного управления стран - членов ЕС. При этом подчеркивается роль взаимодействия государства и общества. Для проведения реформ европейскими фондами были выделены значительные средства. Еврокомиссия синхронизировала эти усилия и инициировала

проект EUPACK² для изучения результатов реформ (Thijs, Hammerschmid, Palarić, 2018).

В рамках этого проекта оценивалось качество государственного управления 28 стран-членов ЕС по 23 показателям. Информация была получена из официальных источников и опросов чиновников. Четыре страны из нашей Семерки – Дания, Финляндия, Нидерланды и Швеция, являющиеся членами ЕС, оказались лидерами по качеству управления.

Проведенный нами анализ реформ, осуществляемых в Западной Европе, показывает, что их успех поддержит тенденцию к повышению роли сотрудничества как механизма координации и, вероятно, будет способствовать росту удовлетворенности жизнью в передовых странах.

В 2010 г. Европейская комиссия опубликовала обращение к Европарламенту и другим высшим органам ЕС, посвященное новой промышленной политике в эпоху глобализации. В нем были сформулированы два основополагающих принципа такой политики: необходимость скоординированных мер по развитию всех секторов народного хозяйства при индивидуальном подходе к каждому из них и формирование цепочек добавленной стоимости от производства энергии и сырья до послепродажного обслуживания и вторичной переработки (European Commission, 2010, p. 4).

В докладе сопоставляется политика экономического развития стран Европы и стран экономического чуда. Последние опирались на институты догоняющего развития (Полтерович, 2016), включая корпоративистскую систему управления, индикативное планирование, генеральное агентство развития, стоявшее над министерствами и национальную инновационную систему, нацеленную на заимствование технологий. Таким образом, корпоративизм рекомендован в обоих случаях. При этом для стран Семерки он носит органический характер. Система индикативного планирования в странах экономического чуда, возглавлявшаяся генеральным агентством, способствовала сотрудничеству между организациями государства, бизнеса и гражданского общества, охватывала все народное хозяйство и обеспечивала формирование цепочек добавленной стоимости. Сходство выполняемых ею функций с рекомендациями Европейской комиссии несомненно, хотя европейские страны могут в большей мере полагаться на культуру сотрудничества и, видимо, в состоянии намечать и реализовывать планы более экономными средствами, опираясь на современные системы обмена информацией и технику моделирования.

Из проведенного анализа следует, что эпоха абсолютного превосходства США заканчивается и что Европа, опираясь на опыт Семерки, могла бы стать новым лидером, который возглавил бы движение

² European Public Administration Country Knowledge

мирового сообщества к сотрудничеству. Для России союз с Европой это шанс, который нельзя упустить. При этом возникает нетривиальная проблема: как совместить необходимость совершенствования конкурентных механизмов с перспективой последующего снижения их значимости. Страны экономического чуда, совершив «рывок», заимствовали такие механизмы, присоединяясь к пулу развитых стран и тем самым оказываясь через некоторое время подверженными кризису. Нельзя ли избежать этапа доминирования таких механизмов или, по крайней мере, существенно сократить его – вопрос, подлежащий тщательному изучению.

Список использованной литературы:

1. Полтерович В. М. (2015). От социального либерализма – к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 41–64.
2. Полтерович В.М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 5. С. 88–107.
3. Полтерович В.М. (2018). К общей теории социально-экономического развития.
4. Часть 2. Эволюция механизмов координации. *Вопросы экономики*, 2018, № 12.
5. Полтерович В. М. (2021). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия. *Вопросы экономики*. Вып.1, 52-72.
6. European Commission (2010). *An Integrated Industrial Policy for the Globalization*
7. *Era. Putting Competitiveness and Sustainability at Centre Stage. Communication*
8. *from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*. (COM(2010) 614), Brussels, 28 October 2010.
9. Iqbal R., Todi P. (2015). The Nordic Model: Existence, Emergence and Sustainability. *Procedia Economics and Finance.*, 30:336-351.
10. Martela F., Greve B., Rothstein B., Saari J. (2020). The Nordic exceptionalism: What explains why the Nordic countries are constantly among the happiest in the world. In J. F. Helliwell, R.
11. Hall P. A., Soskice D. (2001). An introduction to varieties of capitalism. In P. A. Hall , D. Soskice (Eds.). *Varieties of capitalism: The institutional foundations of comparative advantage*. P.1-70. New York: Oxford University Press.
12. Hall P. A., Gingerich D.W. (2009). Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Political Economy: An Empirical Analysis. *British Journal of Political Science*, 39(3), 449-482.
13. Lijphart A. (2012). *Patterns of democracy. Government forms and performance in thirty-six countries*. Second edition. New Haven: Yale University Press.
14. Pratt, J (2008). Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess. Part I : The Nature and Roots of Scandinavian Exceptionalism". *The British journal of criminology* 48 (2), 119-137.
15. Thijs, N., Hammerschmid, G., Palaric, E. (2018). *A comparative overview of public administration characteristics and performance in EU28*. Brussels, Belgium: Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion under the Contract VC/2016/0492 “Support for developing better country knowledge on public administration and institutional capacity building”.